

Лечение эллинских недугов. Слово IV. О материи и космосе

Блаженный Феодорит Кирский (393–466)

Для цитирования: *Блж. Феодорит Кирский (393–466). Лечение эллинских недугов. Слово IV. О материи и космосе // Вопросы теологии 2019. Т. 1, № 3. С. 444–456. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2019.309>*

1. Как сообщают, Демокрит Абдерский, сын Дамасиппа, говорил, что наилучшее учение близко к природе, ибо преобразует и перестраивает душу к лучшему и обновляет древние черты, которые природа изобразила изначально¹.

2. Мне эта мысль представляется весьма справедливой. А как передает Порфирий², Сократ, сын Софрониска, пока был юн, уклонился в распутство, но усердием и образованием эти отпечатки в себе истребил, а те, что от философии, напечатлел. И Божественные Речения научили нас о многом тому подобном. Ибо и Спаситель наш советами и увещанием вырвал из ямы порочности мытарей, избравших многостяжательную и несправедливую жизнь, и блудницу похотливейшую, и беззаконнейшего разбойника и многих других, живших во зле, и показал их ревнителями совершеннейшей добродетели (см.: Мф 9:10; Лк 7:36–50; 23:39–43).

3. И что я говорю о трех, четырех, десяти или пятнадцати? Но всю вселенную, в таком состоянии находящуюся, Он привлек через этих немногих, которых, разом преобразив, Сам переменял, и ту, которая была похожа на сумасшедших и умалишенных, явил целомудренной.

Поскольку же мы ясно познали это, то и вам предлагаем сие спасительное учение; однако, видя, что вы противитесь, прекословите [р. 204] и отвергаете исцеление, мы не отчаиваемся, но омываем страсть неверия губкой слова.

4. Мы уже сделали три вещи: показали лекарство веры как необходимое и полезное; затем показали, как следует мыслить себе Божественную сущность и что следует думать про невидимые, но тварные природы и, обнажив позор поэтических мифов, обличили чудовищность аллегорий философов³. Поскольку же и видимое творение они мыслили не истинно и не согласно друг с другом, но разделились, словно во время ночного сраже-

¹ *Демокрит*. Фр. 33 // *Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker*. Bd. 2. Berlin: Weidmann, 1903. S. 417. — Примечания к тексту Слова с указанием источников цитирования и другими пояснениями принадлежат автору перевода, канд. филос. наук, канд. теологии, доц. Московской духовной академии П. К. Доброцветову.

² *Порфирий*. История философии. Фр. 12 // Порфирий. Труды. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.

³ Речь идет о тематике трех предыдущих Слов данного трактата.

ния, на многочисленные толки, обращаясь друг с другом как с врагами, то полагаю полезным и это их мнение выставить на обозрение и сопоставить с догматами Божественного Писания, прямо показав, насколько «помыслы людей боязливы, и непрочно их замыслы» (Прем 9:14), по слову одного из наших мудрецов.

5. Так, Ксенофан Колофонский, сын Ортомена, глава Элейской школы, сказал, что мир един, шарообразен и ограничен, что он не возник, но вечен и совершенно неподвижен. А потом, забыв свои слова, он же говорил, что все возникло из земли. Ему принадлежит такой стих:

Из земли это все, и в землю все разрешается⁴.

6. Но эти мысли совершенно не согласуются между собой. Ибо если мир вечен, то и безначален, а если безначален, то и беспричинен, а если беспричинен, то и не имеет матерью землю. А если причиной имеет землю, тогда [р. 205] не беспричинен, а если не беспричинен, то и не безначален, а если не безначален, то и не вечен.

7. И Парменид, сын Пирета, элеат и товарищ Ксенофана, написал, что с первой частью учения своего учителя он согласен. Молва приписывает ему следующий стих:

Невещественное, единое, неподвижное и нерожденное⁵.

Началом же всего этого не только землю, как тот, но и огонь называл.

8. Мелисс же Милетский, сын Итагена, был его сотоварищем⁶, но переданное учение не сохранил в чистоте и назвал космос беспредельным, в то время как те говорили, что он ограничен⁷.

9. Демокрит Абдерский, сын Дамасиппа, первый ввел мнение о пустоте и полноте⁸. Митродор Хиосский назвал их неделимым и пустотой, а Эпикур Афинский, сын Неоклея, будучи в пятом поколении после Демокрита, то, что те называли полными и неделимыми, назвал атомами.

10. Неделимым, атомом и полнотой одни называли это из-за неподверженности воздействию, другие же из-за очень малого размера, как не могущее допускать рассечение и разделение. Называют же так мельчайшие и тончайшие тела [пылинок]; когда [р. 206] солнечные лучи врываются в окна, можно увидеть, как те летают вверх и вниз.

⁴ Ксенофан. Фр. 27 // Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 173.

⁵ Парменид. Фр. 8, 4 // Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 290.

⁶ По Элейской философской школе.

⁷ Aetios см.: Diels H. Doxographi Graeci. [S.l.]: Berolini, 1879. P. 328.

⁸ Ibid. P. 285.

11. Тем, кто был назван выше, последовал пифагорец Экфант Сиракузский⁹. Платон, сын Аристана, началами всего называет Бога, материю и идеи; Аристотель же Стагирит, сын Никомаха, — вид, материю и лишенность. А стихий у него не четыре, но пять, ибо он сказал, что эфир есть нечто другое — неизменное и не подверженное превращению¹⁰.

12. Ксенократ Халкидонский¹¹ называл материю, из которой все произошло, вечной. Зенон Китийский, сын Мнесея, ученик Кратета и основатель учения стоиков, началами называл Бога и материю; Гиппас Метапонтский и Гераклит Ефесский, сын Блосона, говорили, что вселенная есть единое, которое неподвижно и ограничено, а началом имеет огонь. Диоген же Аполлонийский говорил, что все составилось из воздуха.

13. Что касается материи, Фалес, Пифагор, Анаксагор, Гераклит и толпа стоиков называли ее способной к превращениям, изменчивой и текучей, тогда как Демокрит, Митродор и Эпикур говорили, что есть не подверженные воздействию атомы и пустота. Платон же материю называл телесной, безобразной, не имеющей очертаний и совершенно не оформленной, бескачественной. Ибо все это, говорил он, материя впоследствии получила от Творца. Аристотель же называл ее телесной [р. 207], а стоики — телом.

14. Что же касается пустоты, то последователи Демокрита называют ее местом атомов, а все прочие прямо-таки смеются над этим учением. Вот, к примеру, Эмпедокл так говорит:

Ни одна часть Целого [Вселенной] не бывает ни пустой, ни избыточной¹².

15. Стоики не допускали внутри вселенной никакой пустоты, а снаружи ее допускали пустоту совершенную и беспредельную. И наоборот, Стратон говорил, что снаружи нет никакой пустоты, а внутри она возможна¹³.

Однако не только в этих вопросах великое разногласие проявилось, но и в прочих. Ибо Фалес, Пифагор, Анаксагор, Парменид, Мелисс, Гераклит, Платон, Аристотель и Зенон соглашались в том, что мир один, а Анаксимандр, Анаксимен, Архелай, Ксенофан, Диоген, Левкипп, Демокрит и Эпикур учили о множественности и бесчисленности миров.

16. И одни считали его сферическим, другие же — другого вида; одни думали, что он подобен жернову, другие — что он вращается, словно колесо; и одни полагали его одушевленным и живым, другие — совершенно бездушным, третьи — что он возник в мысленной, а не временной последовательности, четвертые — что он вообще не имел возникновения и причины; и одни утверждали, что он тленный, а другие — что нетленный.

⁹ Mullach F.W. *Fragmenta Philosophorum Graecorum*. Paris, Didot, 1860. P.538–542; Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. С. 461.

¹⁰ Ср.: Аристотель. О душе, I, 2; Платон. Послезаконие, 981с–984bc.

¹¹ Ученик Платона, глава Платоновской академии в 339–314 гг. после Спевсиппа.

¹² Эмпедокл. О природе. Фр. 13 // Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 345.

¹³ Aetios см.: Diels H. *Doxographi Graeci*. P.316.

17. Светила Фалес называл земляными и огненными, Анаксагор же считал, что из-за вращения вселенной [р. 208] оторвались некоторые камни, возгорелись, закрепились наверху и были названы светилами. И Демокрит придерживался того же мнения, а Диоген считал их пористыми и похожими на пемзу. Анаксагор же говорил, что это некие воздушные образования, сгустившиеся дискообразно, полные огня, а из неких отверстий излучающие пламень.

18. Диоген говорит, что некоторые из светил падают на землю горящими и, угасая, являют в себе природу камней. При этом он ссылается на свидетельство о том, что некогда одно из них упало в огненном виде на Эгос-Потамос. Платон утверждает, что, с одной стороны, они состоят по большей части из огня, но, с другой стороны, включают в себя и прочие элементы. Аристотель же говорит, что они срóдны пятому телу¹⁴.

19. Ксенофан полагал, что светила состоят из огненных облаков, днем гаснущих и ночью вновь возгорающихся, словно угли.

20. Гераклид же и некоторые другие пифагорейцы утверждали, что у каждого светила есть свой космос, состоящий из земли и воздуха; и одни называют их шарообразными, а стоик Клеанф — конусообразными¹⁵.

21. И солнце, и луну Ксенофан считает огненными облаками; Анаксагор, Демокрит и Митродор — раскаленными глыбами металла или камня; Фалес — состоящими из земли, Диоген — подобными пемзе, Аристотель — шаром, составленным из пятого тела, Платон же — по большей части состоящими из огня, но включающими и другие тела, Филофей-пифагорец — стекловидными, вмещающими отблеск космического огня и передающими нам свет [р. 209] и тепло, вроде внешнего отображения. А другие думали об этом другое, о чем, я полагаю, излишне и говорить, чтобы не впутаться самому в эти хитросплетения.

22. И великий спор ведется у них по поводу вида светил. Ибо одни говорят, что солнце шарообразно, другие — что оно похоже на корабль, третьи — что оно походит на колесо от колесницы. Анаксимандр же утверждает, что оно в двадцать семь раз больше земли, Эмпедокл — что равно земле, Анаксагор — что больше, чем Пелопоннес, Гераклит же — что размером со стопу.

23. И о луне они также несут вздор. Фалес называл ее земляной, Анаксимен, Парменид и Гераклит — состоящей из одного огня, Анаксагор и Демокрит — огненной твердью, имеющей в себе равнины, горы и ущелья; Пифагор — каменным телом, Гераклид — землей, окруженной облаками; и одни заявляли, что Луна больше Земли, другие — что равна Земле, а третьи — что меньше; иные же считали ее размером в пядь¹⁶.

24. А что следует сказать о том, как они баснословят о фазах, уменьшениях и расстояниях? Ибо болтают не только о том, настолько отстоят друг

¹⁴ Ibid. P.307–308.

¹⁵ Ibid. P.341–344.

¹⁶ Ibid. P.348–357.

от друга Луна и Солнце, но и насколько они отстоят от Земли, и насчитывают от Земли до Луны четыреста и более тысяч раз по десять тысяч стадий, а от Луны — до Солнца. При этом они не ведают даже глубины моря, куда хотя бы можно опустить лот или веревку, но не стыдятся выдавать себя за ясно знающих меру воздуха и эфира [р. 210], не помышляя о бесполезности этого дела и не прислушиваясь к совету Эсхила:

Не ищи напрасно того, что ни в чем не полезно¹⁷.

25. Более того, даже если бы каждое из этого и можно было узнать, все равно это было бы совершенно бесполезным. А так как людям знать это невозможно, то это весьма подобно тому, чтобы писать вилами по воде или черпать воду решетом¹⁸. И как одни, так и другие трудятся напрасно и впустую тратят время.

26. Видя это, Сократ, распрощавшись со звездочетами и знатоками природы, обратился к нравственному учению. И это ясно показал Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе», говоря так: «Вообще он не советовал заниматься изучением небесных явлений и того, как бог производит каждое из них; этого, думал он, людям не дано постигнуть, да и богам не доставляет удовольствия, если кто-то исследует то, чего они не захотели открыть. К тому же занятый такими изысканиями рискует сойти с ума точно так же, как сошел с ума Анаксагор, очень гордившийся своим объяснением действий богов»¹⁹.

27. А вот что написал тот же автор на ту же тему: «Тем не менее, никто никогда не видал и не слышал от Сократа ни одного нечестивого, противного религии слова или поступка [р. 211]. Да он и не рассуждал на темы о “природе всего” или о прочем, как рассуждает большинство; не касался вопроса о том, как устроен так называемый софистами “космос” и по каким непреложным законам происходит каждое небесное явление. Напротив, он даже указывал на глупость тех, кто занимается подобными проблемами.

28. Первый вопрос относительно их, который он рассматривал, был такой: считают ли они себя уже достаточно знающими человеческие дела и потому приступают к изучению подобных предметов или же, оставляя в стороне все человеческое и занимаясь тем, что касается божества, они думают, что поступают должным образом? Он удивлялся, как они не понимают, что этого человеку невозможно постигнуть, потому что даже те из них, которые больше всех гордятся своим умением рассуждать на эти темы, не согласны между собой и относятся друг к другу как к сумасшедшим.

¹⁷ Эсхил. Прометей, 44.

¹⁸ Ср.: Платон. Государство, II, 363 d.

¹⁹ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, IV, 7, 6.

29. Ведь некоторые сумасшедшие не страшатся даже и страшного, а другие опасаются даже неопасного; одни не считают непристойным говорить или делать что бы то ни было хоть среди толпы, другие находят, что не следует даже показываться людям; одни не почитают ни храма, ни алтаря, ни вообще ничего божеского, другие благоговеют перед первыми попавшимися камнями, кусками дерева, животными. Так и те, кто задается вопросами о естестве мира: одним кажется, что сущее едино, другим — что оно беспредельно в своей множественности; одним кажется, что все вечно движется, другим — что ничто никогда не может двинуться; одним кажется, что все рождается и погибает, другим — что ничто никогда не может ни родиться, ни погибнуть»²⁰ [р. 212].

30. И многое другое подобное он излагает, обличая их великое пустословие. Об их высокопарной болтовне не кто-то из наших написал, но Ксенофонт и Сократ — лучшие из эллинов. И тому, кто занят делом, нетрудно почитать «Воспоминания» Ксенофонта и узнать ясно, что он написал о пресловутых философах.

31. Если кто-нибудь думает, что я клевету на этих мужей, обличая их полнейшее разногласие, пусть прочтет «Плакита» Аэция, «О мнениях философов» Плутарха и «Историю философии» Порфирия, которая много о чем подобном сообщает.

32. Однако достаточно для этого и Ксенофонта, как мы недавно упомянули, чтобы засвидетельствовать истину сказанного, ибо тот в особенности высмеял великое их невежество и ожесточенные споры. Я же, оставляя всех прочих, с одной стороны, похвалю Платона, а с другой стороны, обличу то, что в чем он неправ, — например, то, что он написал в «Тимее»:

33. «Рассмотрим же, по какой причине устроил возникновение и эту Вселенную тот, кто их устроил»²¹. И далее он приводит наилучший и достойный удивления ответ: «Он был благ, а тот, кто благ, никогда и ни в каком деле не испытывает зависти. Будучи чужд зависти, он пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему самому»²² [р. 213].

Он сказал: подобным по бытию, но не по природе. Ибо как Сам Он есть, так пожелал, чтобы и несуществующее получило бы существование, но Сам Он ни от кого не получал бытия, но Сам дарует бытие тому, что возникло.

34. Близко к сказанному и следующее: «Не по нужде Бог сотворил мир, чтобы прославиться перед человеком или перед другими богами или демонами; не стремясь получить некоторого рода прибыль от творения, ни от нас — жертвенного дыма, ни от богов, ни от демонов свойственные им служения»²³.

²⁰ Там же. I, 1, 11–14.

²¹ Платон. Тимей, 29 d–c.

²² Там же. 29d–e.

²³ Климент Александрийский. Строматы, V, 11, 75.

35. И вновь Платон повторяет, что Бог ни в чем не нуждается и все сотворил ради одной Своей благости и назвал богами и демонами тех, кого мы называем Ангелами, и дал им имя служителей Богу всяческих.

36. Достохвально написал Платон и в «Государстве»: Благой дает возникшим вещам «и бытие, и существование, хотя само Благо не есть существование, оно — за пределами существования, превышая его достоинством и силой»²⁴. Ибо Он не только вложил в них, как сказано, общую форму, подобно тому, как это делает медник или золотых дел мастер, но и сотворил их сущность и наделил их ею, тогда как Сам не имеет одинаковой природы с возникшими вещами, ибо Он — сверх сущности и за пределами сущности, превосходя творения не только вечностью, но и силой.

37. И Платон ясно сказал о том, что Бог сотворил все не из подлежащей материи, но из небытия — сотворил, как захотел. Платону же принадлежит и такой удивительный и замечательный вопрос о небе: «Было ли оно всегда, не имея начала своего возникновения, или же оно возникло, выйдя из некоего начала?». И сам же отвечает: «Оно возникло, ведь оно зримо, осязаемо, телесно, а все вещи такого рода ощутимы и, воспринимаюсь в результате ощущения мнением, оказываются возникающими и порождаемыми. Но мы говорим, что все возникшее нуждается для своего возникновения в некоей причине»²⁵.

38. Сказав это о возникших, Платон затем научил и о Сотворившем, причем, как следует думать, весьма премудро. Ибо он говорит: «Конечно, творца и родителя этой Вселенной нелегко отыскать [р. 215], а если мы его и найдем, о нем нельзя будет всем рассказывать»²⁶, ибо это учение вовсе неизреченно, в отличие от других учений».

39. Показывает нам Платон и Слово Бога, сотворившего все. Ибо, узнав о том из еврейских Писаний, он так говорит в полный голос: «Чтобы время родилось из разума и мысли Бога, возникли Солнце, Луна и пять других светил, именуемых планетами, дабы определять и блюсти числа времени. Сотворив одно за другим их тела, бог поместил их, числом семь, на семь кругов, по которым совершалось круговращение иного»²⁷.

40. Этим он научил нас, что не только Словом Бог сотворил тварь, но что и солнце, и луна, и звезды суть возникшие тела, получившие бытие от Бога. И ничто из этого, по мысли Платона, не есть Бог, поскольку они сотворены для нужд людей. И об этом ясно говорит [упомянув богиню Равенство] Еврипид в «Финикиянках»:

И меру нам и вес
Она дает и числа образует;
И спутница печальная ночей,
И ярких дней горящее светило

²⁴ Платон. Государство, VI, 509 b.

²⁵ Платон. Тимей, 28 b–c.

²⁶ Там же. 28 с.

²⁷ Там же. 38 с.

Из года в год и очередь и шаг,
Богине той покорны, не меняют,
И нет меж ними зависти, а ты,
Ты, смертный, в дележе обидишь брата?!²⁸

41. Итак, Еврипид говорит, что солнце и луна служат смертным, а вы допускаете то, что служите вашим рабам и воздаете им Божественное почитание. Я же вновь перейду к Платону и восхваляю его за то, что о конце всего говорит близкое нам.

42. А говорит он так: «Если космос прекрасен, а его демиург благ, то ясно, что он взирал на вечное»²⁹. И о небе добавлял [р. 216]: «Ведь космос — прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург — наилучшая из причин», и далее: демиург построил «небо видимое и осязаемое»³⁰; и прибавил чуть ниже: «Итак, время возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад»³¹.

43. И в «Политике» Платон говорит похожее: «Оставаться вечно неизменными и тождественными самим себе подобает лишь божественнейшим существам, природа же тела к этому разряду не принадлежит. То, что мы называем небом и космосом, получило от своего родителя много счастливых свойств, но в то же время оно оказалось причастным телу: поэтому оно не могло не получить в удел перемен»³².

44. Ему же опять-таки принадлежит и следующее: «кормчий Вселенной, словно бы отпустив кормило, отошел на свой наблюдательный пост, космос же продолжал вращаться под воздействием судьбы и врожденного ему вождения. Все местные боги, сопративители величайшего божества, прознав о случившемся, лишили части космоса своего попечения. Космос же, повернувшись вспять и пришедши в столкновение с самим собой, увлекаемый противоположными стремлениями начала и конца и сотрясаемый мощным внутренним сотрясением [р. 217], навлек новую гибель на всевозможных животных»³³.

45. В этом Платон согласен с нами, когда говорит об изменении мира и о том, что, когда Бог оставит рули, тогда повелевает оставить попечение и тем из невидимых сил, которым было приказано управлять частью творения, и тогда все видимое становится подвержено изменению. В остальном же Платон поддался господствовавшему заблуждению, что якобы присущее материи вождение ниспровергает мир в соответствии с уделенной ему изначально судьбой.

²⁸ Еврипид. Финикиянки, 546–547.

²⁹ Платон. Тимей, 29а.

³⁰ Там же. 32в.

³¹ Там же. 38в.

³² Платон. Политик, 269 d–e.

³³ Там же. 272 e–273a.

46. Это та сторона платоновского учения о твари, за которую мы этого философа браним, ибо и он тоже утверждает, что материя предсуществует вместе с Богом, как это делали Пифагор, Аристотель и [философы], носящие имя Расписного Портика [т. е. стоики]. И материю он иногда называет злой. Послушаем, что он говорит о мире: «От своего устроителя он получил в удел все прекрасное; что касается его прежнего состояния, то, сколько ни было в небе тягостного и несправедливого, все это он и в себя вобрал, и уделил живым существам»³⁴.

47. Прибавляет он и следующее: «Причиной тому была телесность, издревле присущая ему от природы, ибо, прежде чем прийти к нынешнему порядку, он был причастен великой неразберихе»³⁵.

Я полагаю, что на это вознегодует всякий человек, имеющий здравый разум. Ибо Платон прямо клеветает на природу материи [р. 218] и называет ее настолько сильной и непобедимо злой, что даже Сам Творец не может изменить ее в лучшую сторону: она остается внутренне злой, даже получив от Бога форму, и первоначальное свое зло не исторгает из себя. Вот почему не только на земле, но и на небе она производит ужасные и несправедливые дела, которые воздействуют на живые существа.

48. Это недостойно сказанного прежде и чуждо возвышенному богословию, но представляет собой отпрыск стелящихся по земле низких мыслей. Ибо речь о том, что и на небе остается беспорядок, заставляет усматривать здесь те грубые, дерзкие и несправедливые предположения, что материя — сильнейшая, а Творец — слабейший по отношению к ней. И это при том, что, по словам Платона, Бог создал небо по умопостигаемому образцу.

49. В самом деле, он так говорит в «Тимее»: «Правы ли мы, говоря об одном небе или вернее было бы говорить о многих и даже неисчислимо многих? Нет, оно одно, коль скоро создано в соответствии с первообразом»³⁶. Первообразом, полагаю, он называет либо Самого Бога как единого, либо идею, то есть мысль Бога, или мысленное небо, которое именуется в Божественном Писании превыше этого. Но чем бы он ни назвал первообраз, небу плохо соответствует желание тяжких и несправедливых вещей.

50. Но какую битву ведут между собой так называемые философы вокруг своих учений! Посему настало время показать превосходство Божественного Писания и истину о возникновении мира. С одной стороны, Писание низвергло в Гесиодов Хаос мифы о материи [р. 219], а с другой стороны, объявило, что все сотворил Бог. Причем сотворил не так, как строители домов и кораблей, медники и золотолитейщики, ткачи, кожевники и другие ремесленники берут готовые материалы и придают им вид и форму, а инструменты заимствуют у других; но так, что как Он за-

³⁴ Там же. 273 б–с.

³⁵ Там же. 273 в.

³⁶ Платон. Тимей, 31а.

хотел, так и произвел в бытие одновременно со Своим желанием то, что вовсе не существовало.

51. В самом деле, Бог всяческих ни в чем не нуждается, а человеческие ремесла нуждаются одно в другом. Ибо кормчий нуждается в кораблестроителе, а кораблестроитель в лесорубе, кузнеце, смолокуре и конопатчике. Нуждается лесоруб в лесоводе, а лесовод нуждается, в свою очередь, в земле, поливе, растениях и семенах, в кирке и мотыге, сделанных кузнецом. Нуждается же как-то и кузнец в строителе, который построил бы ему помещение и приделал бы ему к дереву наковальню и к топору топорщице, и точно так же все нуждаются в ткаче, кожевеннике и земледельце, чтобы накормить и прикрыть тело, как и те, в свою очередь, зависят от искусств этих, чтобы каждой профессии доставить, соответственно, нужные инструменты.

52. Творец же мира не нуждался ни в материи, ни в инструментах, но то, что у прочих ремесленников составляют материалы, инструменты, а также время, труд, знание и усердие, то для Бога всяческих есть Его воля. Ибо *все, что восхотел Господь, сотворил на небе и на земле, в море и во всех безднах* (Пс 134:6), как гласит Священное Писание.

53. Но восхотел Он не то, что мог, а то, что посчитал нужным. Ибо Ему равно легко сотворить и десять тысяч и двадцать тысяч миров, поскольку захотеть легче, чем все сотворить. Ибо и у нас захотеть легче всего, но наше желание не сопровождает сила. А у Бога всяческих [р. 220] что желается, то и возможно, ибо с желанием соединяется сила. Однако Он не силой ограничил творение, но как восхотел, так и сотворил.

54. И поскольку из тварей одни — чувственные, а другие — умопостигаемые, одни — земные, а другие — небесные, то логично, что Он сотворил живых существ как чувственных, так и умопостигаемых, и умопостигаемым уделил эфир и небо, а чувственным дал в качестве обиталища землю и море.

55. Поскольку же среди умопостигаемых некоторые уклонились во зло, Он, естественно, изгнал их из небесных мест и уделил им место обитания в воздухе и на земле — не для того, чтобы они могли осуществлять попытки злого умысла против людей, ибо их удерживает от этого Ангельская стража; но для того, чтобы через переселение они познали, к каким бедам ведет порочность.

56. И поскольку Бог разделил чувственные существа по родам и сотворил их как разумными, так и неразумными, Он подчинил разумному существу природу неразумных. Однако некоторые из них бунтуют, и восстают против начальствующих, и пытаются злоумышлять. А так как их начальники делают то же и так же, и почтенные разумом, беснуются против Сотворившего их, восстают и эти неразумные, дабы, претерпев страдания, они научились, сколь ужасно и во всех смыслах негодно преступать свой чин и бесстыдно перешагивать через положенные пределы.

57. Можно видеть, как эти пределы соблюдаются даже бездушными стихиями. Ибо когда море, бурлящее и возмущаемое бурей, бьется о сушу,

то стыдится песка и не допускает себе перейти положенные ему пределы; но как рвущийся конь удерживается уздой, так и оно удерживается неписанным Божиим законом [р. 221], вложенным в берега, и возвращается вспять, словно сдерживаемое некими вожжами.

58. Так и реки текут, как им было велено изначально, и бьют ключи, и колодцы доставляют людям полезное, и времена года благоразмерно сменяют друг друга и, почитая равенство, не посягают на большее.

59. Этому закону неопустительно следуют дни и ночи и, удлинняясь, не превозносятся, а укорачиваясь, не печалются, но друг у друга беря время взаимны, неоспоримо выплачивают долг, не ссорясь друг с другом, но без всякого раздора давая и принимая.

60. Вот какие примеры являют нам премудрость и силу Создателя. Ибо ни земля за столько тысяч лет, будучи вспахиваема, засеваема, засаживаема, питающая плоды, попираемая, разрываема, орошаемая дождем, покрываемая снегом или прогреваемая, не претерпевает никакого уменьшения и не дает возделывающим ее меньше плодов; ни море — притом что облака постоянно поднимают из него природу водную и порождают дождь, и подают его земле — никогда не видится уменьшенным, или опустевшим, или оставившим берега, которые прежде покрывала вода, ни возросшим опять-таки от того, что в него со всех сторон втекают реки.

61. Я вовсе не говорю о том, откуда несутся речные потоки, ибо для меня этот вопрос совершенно непостижим; а вот о том, как солнце по обыкновению истребляет влажную сущность, весьма легко узнать желающему. Ибо солнце сушит болото и истребляет собрания вод, и сушит наши тела; и можно видеть обмелевшие реки, когда оно, оставивши южные страны [р. 222], спешит к северу и производит жару.

62. Поэтому, как говорят, и река Нил не в одно время с другими реками пополняется водами, но посреди лета заливаает Египет, когда солнце переходит в более северный пояс и, досажая остальным рекам, от этой по большей части держится подалеже. Если же, как говорят некоторые, есть и другие причины этому явлению, мне не пристало сейчас обсуждать этот вопрос. Ибо я и сам советую другим не любопытствовать о причинах Божественного управления, но скорее удивляться происходящему и славить Творца.

63. Поэтому я и сам удивляюсь природе воздуха, которая не уничтожается, несмотря на то, что столько людей и столько неразумных животных непрестанно дышат им, несмотря также на то, что через нее проходят столько лучей и столько жара, и не только Солнце, но еще и Луна, и звезды.

64. Но это чудо больше чуда, и рискую сказать, что это чудо даже не чудо. Когда Бог творит, то подобает удивляться этому в наименьшей степени, а воспевать — в наибольшей, ибо для Него все легко сотворить — что Ему угодно. В сотворенное Им Он вложил силу, которой вполне достаточно, чтобы существовать столько, сколько Он пожелает. Поэтому и земля пребывает такой, какой она была сотворена от начала, и море не уменьшается и не увеличивается, ни воздух не потерял своей изначальной при-

роды, оставшись неприкосновенным, ни солнце не может ни расплавить, ни разрушить ту твердь, через которую оно пробегает, ни твердь, будучи влажной, не гасит горячего солнца, поскольку каждое из них, кому какой удел выпал изначально, его и сохраняет. Ибо противоположные природы влажного и сухого, холодного и горячего Творец соединил в дружбу.

65. И когда мы видим каждое из них: Солнце — то на севере, то на юге, то посередине неба [р. 223]; Луну — то растущую, то убывающую; звезды — по времени то восходящие, то заходящие и указывающие на время жатвы и сеяния, а странствующим по морю предвещающие бурю или безветрие, то вот их-то мы, друзья, боготворить не будем, но прославим их Творца, Создателя и Управителя и через видимое приступим к невидимому.

66. Впрочем, здесь нужда не в переселении, но в вере, ибо только через веру мы можем увидеть Творца. Когда же видим сменяющие друг друга времена года, и дождь, посылаемый на землю, а на земле, покрываемой произрастающей растительностью, видим волнующиеся нивы, цветущие луга и пышные рощи, отягощенные плодами, то да воспоеет язык наш хвалу Даровавшему нам это, и мы не станем боготворить ни горных нимф, родниковых или речных, ни дочерей Нереи, ни петь Деметре хвалебных песнопений по случаю сбора урожая, ни дифирамба Дионисию, ни пеана Пифийскому Аполлону Гадателю, ни гимна Артемиде Упис, но Творцу всяческих, по примеру Давида, вознесем песнь и вместе с ним воскликнем: *Как величественны дела Твои, Господи! Все премудростью Ты сотворил* (Пс 103:24).

67. Когда услышим певчих птиц, поющих множество разнообразных песен, и услышим стрекочущих цикад, то попрощаемся с Сиренами и Музами и поклонимся Премудрому и Всемогущему Богу — Тому, Кто наградил столь малых птах музыкальным благозвучием и Кто всячески питает, услаждает и утешает род человеческий.

68. Итак, сравните это, друзья, с мнениями философов и рассмотрите, пользуясь правильным и справедливым критерием [р. 224], что из этого приличествует Богу и согласно с Ним: чтобы вселенная так и не возникла или образовалась сама собой, сложившись из атомов и пустоты, или все же возникла, с одной стороны, от Бога, а с другой стороны — из материи? И нечестиво ли приписывать каждое из перечисленного Богу, или все-таки справедливо и истинно одно: то, что Творец всяческих есть Бог, создавший все не из материи, как это делают ремесленники, но сотворивший Сам все ранее не бывшее, восхотев дать бытие не-сущим?

69. Ему легко творить как из сущих, так и из не-сущих; и как издревле Он это делал, так и продолжает делать, как говорится, всечасно и ежедневно. Ибо из прежде сотворенного Он созидает тела живых существ, и создает души из не-сущего — но не для всех живых существ, а только для людей; и из птиц творит птиц, из водоплавающих — водоплавающих, и каждый из прочих родов созидает из однородных.

70. Так же и плоды земли Он предлагает людям из того, что сеется и насаждается. Еще в древности земля, будучи невозделанной и незаселен-

ной, произрастала всякий вид растений и семян, и роды пресмыкающихся и четвероногих, и породила природу вод, как было ей велено; и животных, обитающих в воде, а воздух породил тех, которым свойственно летать по воздуху (Быт 1).

71. Итак, землю и небо, воздух и природу вод, огонь и свет Бог не материи повелел породить, но Сам сотворил ранее не существовавшее, став и насадителем, и строителем величайшего ковчега твари, и Сам же им управляет; и направляется сей ковчег Тем, Кто премудро создал его.

72. И этому нас научают не только евангелисты и апостолы, но и пророки, и верховный из них — Моисей, который описал творение мира; а [р. 225] еще прежде — Авраам, Мелхиседек и весь сонм патриархов. И каждый из них богословствовал не о многих, а об одном Творце мира. И вы узнаете об этом, если прочтете Божественное Писание.

73. И научившись из этого сравнения, насколько строки Божественного Писания превосходят человеческие помыслы, избегайте, о друзья мои, заблуждения, но приветствуйте истину, которая ярче солнца. Ибо, ведомые ее светом, да узрите смысл Божественных Речений и удивитесь их учителям, дабы, павши ниц и поклонившись Богу, сказали бы вы вслед за Апостолами: (ср. 1 Кор 14:25) [р. 226] «Истинно с вами Бог».

Материал поступил в редакцию 5 июня 2019 г.
Материал рекомендован к печати 30 августа 2019 г.

For citation: Blessed Theodoret of Cyrus. Treatment of Hellenic Illnesses. Sermon IV. "On Matter and Cosmos". *Issues of Theology*, 2019, vol. 1, no. 3, pp. 444–456. (In Russian)